

УДК 930/94(47)“18”

ИСТОРИОГРАФИЯ НАРОДОВОЛЬЧЕСКОГО ВАРИАНТА КОНЦЕПЦИИ ЗАГОВОРА

© 2025 В. А. Исаков

доктор исторических наук, профессор Департамента истории
e-mail: Isakov-va@yandex.ru

Московский городской педагогический университет

Изучение заговорщической тенденции в теоретической и практической деятельности «Народной воли» началось в конце XIX в. и продолжается до сих пор. Это объясняется принципиальной значимостью явления, его местом в генетической линии российского революционаризма, состоянием и воздействием на оппозиционное движение. Анализ историографического процесса позволяет понять феномен в целом, не упуская детали. Результаты исследования важны для изучения радикальных движений в иных пространственно-временных измерениях.

Ключевые слова: заговор, «Народная воля», народовольчество, социализм, централизация, терроризм, идеология.

HISTRIOGRAPHY OF THE NARODOVOLCHESKIY VARIANT CONCEPTS OF CONSPIRACY

© 2025 V. A. Isakov

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History
e-mail: Isakov-va@yandex.ru

Moscow City Pedagogical University

The study of the conspiratorial tendency in the theoretical and practical activities of the "People's Will" began in the late 19th century and continues to this day. This is explained by the fundamental significance of the phenomenon, its place in the genetic line of Russian revolutionarism, the state and impact on the subsequent opposition movement. Analysis of the historiographical process allows us to understand the phenomenon as a whole, without missing any details. The results of the study are important for studying radical movements in their spatial and temporal dimensions.

Keywords: conspiracy, "People's Will", Narodnaya Volya, socialism, centralization, terrorism, ideology.

Народническое движение к концу 1870-х гг. подошло к определенному кризису – явственно ощущалось снижение веры в народные массы как решающей революционной силы и как источника творческой инициативы после победы революции. История народовольчества отразила этот процесс. Просматривалось изменение отношения его ведущих идеологов к базовым проблемам: характеру российской государственности, принципам построения подпольной организации, к оценке соотношения «заговор – народ» и соотношения заговорщичества с террористической деятельностью. Осмысливались формула власти после победы революции, значение политического и экономического переворота. Несколько лет

народовольцы были в интенсивном поиске ответов на эти вопросы. Это обстоятельство отметил В.А. Малинин, полагающий, что «неверно считать народовольцев беззаботными по части теоретического обоснования заговорщической и террористической практики. Этот взгляд более чем сомнителен» [28, с. 322]. И все идейные искания народовольцев подтверждают это.

Идеологический поиск народовольцев исследовался достаточно активно на протяжении многих десятилетий, начиная с дореволюционных авторов. Тогда исследователи исходили из необходимости оценить идеологию «Народной воли» в целом и определить ведущие тенденции. Но все сходились во мнении, что заговорщическая составляющая, несомненно, присутствовала.

Лев Тихомиров, ведущий идеолог организации, позднее журналист и мемуарист, прекрасно знавший ее изнутри, отмечал бесспорное влияние Бакунина и Лаврова, а также «идей Ткачева (а через него – Нечаева и французских якобинцев, бланкистов) о крепкой организации революционных сил» [51, с. 117]. Действительно, революционная доктрина П.Н. Ткачева была хорошо известна российским революционерам по его статьям в «Набате». О Нечаеве же судили по его практической деятельности. О французских бланкистах не могли не знать, поскольку, по крайней мере в эпоху Парижской коммуны, о них говорили и писали много. Деятельность патриарха заговорщичества Луи Огюста Бланки также была на слуху еще с публикаций А.И. Герцена, посвященных революции 1848 г. и последующим событиям.

Г.А. Куклин указал среди источников возможного влияния не только «Набат», но и Заичневского [19, с. 197]. В рядах «Народной воли» находилась М. Ошанина, в свое время состоявшая в кружке Петра Заичневского, родоначальника заговорщической идеи, позднее ориентировавшаяся на «Набат» Ткачева и логикой идейной эволюции оказавшаяся среди левого крыла «Народной воли», о чем писали Ю.М. Стеклов и, что принципиально, член Исполкома организации О.С. Любатович [41, с. 213; 26].

Основная историографическая тенденция заключалась в признании влияния, как писал В.И. Ленин, «проповеди» Ткачева на народовольчество [24, с. 173; 55, с. 124; 2, с. 146–147]. Обоснованию этого тезиса значительное внимание уделил Плеханов [33, с. 175, 334, 169]. Но были авторы, отрицавшие это. Например, В.Я. Богучарский утверждал, что «Ткачев и его “Набат” были слишком маловлиятельны» [4, с. 445, 455; 3, с. 170]. Думается, принципиально важным было то, что деятели революционного движения располагали информацией о заговорщической доктрине и могли судить о степени ее адекватности российской реальности. Имели значение и некоторые иные обстоятельства. Масштабные идеологи нередко относились с определенной долей ревности к программам, отличным от их собственных. П.Л. Лавров, видимо, и по этой причине не признавал серьезного влияния Ткачева на идеологию «Народной воли» [19, с. 219], хотя даже в его собственных построениях присутствовала централизованная революционная организация.

Едва ли не центральной проблемой, вызывавшей дискуссии, был вопрос о соотношении политической борьбы с заговорщичеством и террором. Н.С. Русанов, успевший поучаствовать в финальной стадии деятельности «Народной воли» и, как и Тихомиров, имевший возможность судить о ее идеологии изнутри, отрицал связь этих программных установок [36, с. 38]. Но общеизвестно, что народовольцы стремились к захвату власти, что явилось бы бесспорным политическим актом. Далее посредством этой власти они предполагали приступить к переустройству страны на справедливых основаниях. Видимо, имело значение время написания статьи – много лет спустя после эпопеи народовольчества, когда автор прошел значительную эволюцию.

Интересными представляются соображения Л. Тихомирова, который тоже хорошо, даже лучше большинства авторов, знал изнанку событий. Он считал, что именно террористы и заговорщики были «политиками» в народовольчестве. Более того, нацеленность на государственный переворот вела к тому, что последние «только терпели терроризм», поскольку он был следствием деятельности «Набата» Ткачева, «который постоянно рекомендовал убивать, сопротивляться» [51, с. 117, 120]. Отметим, что Ткачев заговорил о терроре лишь в конце своей деятельности. До этого он строил свою программу только на заговорщической идее, которая предполагает скрытность действий, а террористические акты заявляют об организации, раскрывают ее. Об этом писал еще в конце 1850-х Герцен [11, с. 153], работы которого Ткачев знал хорошо. Не исключено, что Тихомиров хотел дистанцироваться от обвинений в близости к заговорщичеству, сопряженному с террором. Принципиальным в его оценках тех событий и идеологических поисков было то, что он отметил ослабление идеи заговора и усиление террористической составляющей народовольческой практики, «идея террора все росла и усиливалась» [51, с. 121]. Заметим, что эта тенденция прослеживалась на стыке 1870–1880-х гг. и у Ткачева, что дало повод обвинять его в проповеди терроризма.

Интересно, что в работе под названием «Хроника социалистического движения в России. 1878–1887. Официальный отчет» содержались примерно те же выводы о склонности народовольчества к терроризму в финале своей истории. Особенность официального отчета была в том, что доминировала практическая необходимость разобраться в революционном движении для противодействия ему. В отчете Ткачев не обвинялся в проповеди террора [54, с. 55].

Исследователи не могли не рассмотреть и такой важный вопрос, как принципы построения и деятельности «Народной воли». Все без исключения констатировали, что это были принципы централизации и конспирации еще с периода «Земли и воли» [53, с. 103–104; 50, с. 122]. Лев Тихомиров уточнял, что он признавал принцип «цель оправдывает средства», централизацию и дисциплину, и еще что-то, чуть ли не террор, как средство, дезорганизующее правительство: «Все это я принял безоговорочно и совершенно искренне» [50, с. 123].

Достаточно интересны оценки, которые дали рассматриваемой проблеме Г.В. Плеханов и В.И. Ленин. По мнению первого русского марксиста, у народовольцев была заметна «малоосновательная уверенность во всемогуществе конспираторского “политиканства”» [33, с. 125]. А В.И. Ленин утверждал, что «для народовольца понятие политической борьбы тождественно с понятием политического заговора. Традиции бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народовольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора» [21, с. 45]. Представляется, что эти оценки отражали реальную картину.

«Народная воля» одним своим названием указывала на приоритет именно народного волеизъявления, что по логике должно было проявиться в конституировании соответствующих органов власти после победы революции. Но дореволюционная историография не выявила такой однозначности. Исходя из программы Исполнительного комитета, исследователи, в частности А.И. Спиридович, обычно делали вывод о передаче власти Учредительному собранию или Земскому собору, то есть народу [14, с. 42; 40, с. 2]. В.Я. Богучарский обращал внимание на то, что до 1882 г. был вариант сохранения власти у революционеров [4, с. 465–468] Л. Тихомиров видел проблему несколько в ином плане, полагая, что «первоначально преобладающей идеей “Народной Воли” была идея заговора с целью низвержения правительства и созыва учредительного собрания или же, смотря по обстоятельствам,

захвата власти» [51, с. 121]. Ясности такая трактовка не добавляла, отражая, однако, очевидную неуверенность революционеров при выборе варианта власти. И эта неопределенность отразилась в историографии. Явная склонность народовольцев к идее переворота в бланкистском варианте означала, что признание потенций народных масс превращалось в формальность, дань традиции. Это было подмечено исследователями. А.А. Корнилов писал, что, готовясь к выступлению, «Народная воля» «при этом брала на себя инициативу переворота, не дожидаясь того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее» [18, с. 237]. А возможен ли был такой момент в принципе, Корнилов не пишет. Одновременно исследователями высказывались сомнения в способности народовольцев осуществить грандиозный переворот, с учетом их крайне ограниченных сил. С. Григорович выразился вполне определенно: «Хватит ли сил и умения у народовольческой организации, которая может рассчитывать максимум на тысячи человек, произвести требуемое перераспределение общественных сил России?» [14, с. 47–48]. Соображения А.А. Корнилова и С. Григоровича показывают, что историографии той эпохи был свойственен достаточно объективный подход, несмотря на принадлежность авторов к той или иной общественной тенденции, в данном случае кадетской или эсеровской.

Всеми авторами, несмотря на разность политических платформ, признавалось, что народовольчество было явлением социалистическим, но нюансы при этом были значительны. Г.В. Плеханов назвал его «русским социализмом» между «анархизмом Бакунина и бланкизмом Ткачева» и противопоставил европейскому [33, с. 347]. В.И. Ленин оценивал его как «крестьянский и заговорщический социализм» и добавлял, что политическую борьбу «связать с социализмом им не удалось» [22, с. 247; 23, с. 179]. Эсеровский автор С. Григорович утверждал, что «политическая борьба велась народовольцами во имя социалистических целей» [14, с. 43]. В приведенных нюансах и расхождениях оценок авторов разных политических направлений отразилась недостаточная проработанность этой характеристики у самих народовольцев.

После Октябрьской революции постепенно начинают вырисовываться контуры нового историографического периода. С начала 1920-х гг. наблюдается нарастание публикаций источников и исследований по проблематике освободительного движения, в том числе и по «Народной воле», включая заговорщический аспект. Бесспорным было доминирование марксистских исследователей и явно слабеющее присутствие представителей других методологий.

Необычным было появление методов и приемов исследований, ранее не практиковавшихся. Так, к 50-летию «Народной воли» были опубликованы тезисы ЦК ВКП(б). Это означало неизбежное снижение объективной научной состязательности и усиление административно-идеологического присутствия и доминирования. Но этот процесс не был одномоментным, и, более того, марксистская методология совсем не исключала творческого поиска, в тот период его рамки были достаточно широки. В это время продуктивно творили Б. Козьмин, В. Левицкий, С. Валк, Вл. Виленский-Сибиряков. Они и многие другие активно использовали ставшие доступными новые источники по освободительному движению и творчески применяли марксистскую методологию. Это касалось и изучения «Народной воли» и сюжета, связанного с заговорщической тенденцией. В. Левицкий утверждал, что она была заметна уже в «Земле и воле», и видел идею заговора в соединении с политической борьбой и террором [20, с. 62]. Вл. Виленский также считал, что ближайшие предшественники народовольцев – землевольтцы приступили к обсуждению политической борьбы еще на съезде в Воронеже [8, с. 10]. Более того, основная часть землевольтцев перешла под знамена и программу «Народной воли».

И.А. Теодорович подошёл к явлению с непривычной стороны, указав на очень вероятную идейную связь народовольчества с бабувизмом и бланкизмом и связав с этой генеалогической линией каракозовцев и Ткачева с Нечаевым, то есть с крайними радикалами [48, с. 178]. Важным обстоятельством было то, откуда российские заговорщики черпали идеи, были ли это внешние источники или же все определяла российская действительность. По мнению И.А. Теодоровича, «безразлично, позаимствовали народовольцы эту идею у Бланки, у Ткачева или дошли до нее своим собственным опытом» [48, с. 112]. Думается, что внутренние обстоятельства имели гораздо более глубинное воздействие. При этом не исключено было одновременное влияние заимствованных подходов и решений. Проблема имела продолжением оценку подходов коллег-исследователей. Вл. Малаховский считал «бесспорным положение о бланкистском (ткачевистском) характере теоретических основ партии “Народной воли”» [27, с. 46], которое якобы отвергал Теодорович. Очевидная дискуссионность принципиальных проблем была заметной характеристикой того историографического периода и, несомненно, содействовала познанию масштабных явлений освободительного движения, в том числе заговорщичества.

Тезисы ЦК ВКП(б) нарушили привычный ход академических исследований и научно-популярных работ. В них утверждалось о наличии трех ведущих идейных тенденций в народовольчестве и среди них заговорщической, ориентированной на захват власти через заговор и использование этой власти для перехода к социализму (Тихомиров, Ошанина) [47, с. 280]. В такой постановке не было ничего необычного, такие оценки встречались и ранее, но императивный характер выводов настораживал.

В этот период практически никто не отрицал наличия в народовольческой идеологии нескольких идейных направлений. Дискуссии возникали относительно приоритетов и соотношения различных тенденций. В. Левицкий настаивал на том, что, «несмотря на отдельные отклонения от общей линии, до 1882 г. большинство народовольцев твердо стояло на михайловско-желябовской позиции, высказываясь против якобинской тенденции, проводимой в ЦК главным образом Тихомировым и Ошаниной, убежденной якобинкой» [20, с. 90]. Одновременно автор подметил процесс «вытеснения» «бакунинско-народнических идей» «ткачевским якобинством» и объяснял его тем, что «бессознательно, произвольно... практика опережала теорию» [20, с. 47, 92]. Представляется спорным утверждение о бессознательном характере процесса. Николай Русанов, сам активный участник событий, представлял положение иначе. «Меня поразили в Тихомирове, – писал он, – не его якобинизм, но форма его, уверенность в том, что, что даже при неразвитых экономических отношениях можно произвести самую коренную социальную революцию, лишь бы существовала крепко организованная политическая партия» [37, с. 266]. Понятно, что Тихомиров много размышлял и анализировал обстановку, прежде чем изложить программные положения «Народной воли».

Заговор обычно сопровождается несколькими неизбежными сюжетами. Это проблематика подпольной структуры, план по захвату власти и характеру власти после победы революции. В. Левицкий о времени возникновения идеи заговора и характере организации писал: «Организация “Земля и воля” носила строго централизованный характер, отличаясь в этом отношении от всех предшествовавших ей революционных организаций и представляя, в сущности, первый в России зародыш настоящей заговорщической партии». «Народная воля» будет, по его мнению, уже «строго конспиративной централизованной организацией» «политического заговора» [20, с. 64]

Исследователи того периода не уточнили понятие «заговор». Предполагалось, что это нечто само собой разумеющееся. Однако о характеристиках заговора речь шла. И.А. Теодорович полагал, что заговор должен был дать толчок революции, а для этого

надо было предварительно создать «первоклассную организацию, конспиративную, гибкую, прочную» [48, с. 112]. Похоже, что сам процесс оформления такой структуры уже был началом заговора, но И.А. Теодорович не уточняет этого.

Другой проблемой, завязанной на заговорщический вариант действий, было соотношение революционного меньшинства и народных масс. Это была сложнейшая проблема. Исследователи не уточняли, кого имели в виду, когда рассматривали ее: всю ли народовольческую организацию или Тихомирова с Ошаниной и их сторонников, поскольку именно они внятно высказывались по этому поводу. И.А. Теодорович считал, что «коренное течение народовольчества мыслило себе революцию как одновременный политический и социалистический переворот, как политическую инсurreкцию, перерастающую в социалистическое народное восстание» [49, с. 26]. Получается, что это была некая постоянная характеристика теоретических поисков народовольцев. Однако известно, что они были в постоянном поиске и, более того, имелись различные подходы. Так, В. Левицкий считал, что основной задачей организации был захват власти. Инициаторами такой схемы действий были Тихомиров и Ошанина, которые «проявляли тенденцию к признанию партией захвата власти», а «после 1 марта эта идея становится для них руководящей» [20, с. 180]. Об активной роли народных масс речи у Левицкого не шло, так как «вера в искру жизни» народа, – писал он, – окончательно исчезла, и на сцену появляется ткачевская «революционная власть», декретами устанавливающая социализм» [20, с. 61, 84–85].

Народовольцам неизбежно пришлось обратиться к проблеме соотношения заговора и террористической борьбы. Обращение к террору С. Валк объясняет репрессивной внутренней политикой царизма. Ярый сторонник террористической борьбы Романенко дал возможность автору сделать заключение о том, что «неуспех романенковского террора угрожает бедствием – народным восстанием, успех народовольческого – ведет к народному восстанию» [7, с. 56, 43, 46, 49]. Думается, это принципиально верный подход. С. Валк рассматривает и позицию Николая Морозова, на тот момент категорического сторонника террористической революции. Он нашел контакты с руководством редакции «Набата», прежде всего с Турским, также принципиальным сторонником террористической борьбы. Но при этом Морозов в штыки воспринимал идею централизма, исповедуемую набатовцами, и объявлял себя федералистом, считал С. Валк [7, с. 40].

Вл. Виленский пришел к интересному выводу, что значение при выборе варианта террористической борьбы имели характеристики интеллигенции, прежде всего индивидуализм: «Идеология индивидуализма была повивальной бабкой политической системы борьбы “Народной воли”» [8, с. 11]. Однако автор не объяснил, почему эта разновидность борьбы появляется не сразу, а лишь в определенный период времени. Рассматривать эту проблему следует с учетом всей совокупности факторов, ее породивших, и предполагаемых целей. Б.О. Горев, один из наиболее внимательных исследователей того периода, подметил, что «наиболее дальновидные, проницательные и трезво мыслявшие народовольцы, как Желябов, понимали, что террористическая борьба с правительством в лучшем случае принесет России политическую свободу. Но официальная точка зрения журнала “Народная воля” нередко ставила во главу угла именно захват власти революционерами с целью социалистического переустройства России и, таким образом, являлась подлинным бланкизмом» [12, с. 142]. Б.О. Горев, видимо, был прав, потому что при оценке идеологии народовольчества ориентироваться надо не столько на процесс выработки программных положений, хотя это тоже важно, а прежде всего на публично зафиксированные позиции.

Процесс изучения народовольчества в 1920 – начале 1930-х гг. был достаточно продуктивным. Соединение марксистской методологии с профессионализмом

значительного числа исследователей и мемуаристики ветеранов революционного движения оказалось успешным. Контуры заговорщической тенденции в народовольчестве заметно прояснились.

В 1950–1980-е гг. исследователи продолжили анализировать заговорщическую тенденцию в «Народной воле», выясняя причины, ее породившие, и воздействие ее на практическую деятельность. В.А. Твардовская считала, что народовольцы намеревались через переворот остановить капиталистическое развитие России, уничтожить самодержавие, как исчерпавшее свои ресурсы: «такое понимание подкрепляло заговорщические иллюзии “Народной воли”, ее линию на захват власти революционным меньшинством, ее веру в правильность избранного пути - в террор» [42, с. 68, 71]. Такому выводу народовольцев предшествовало, по мнению В.А. Твардовской, разочарование в результатах хождения в народ, которое не подтвердило надежды революционеров на революционный настрой народа, «после хождения в народ» народовольцы «слабо верили в способность крестьянства к революционной деятельности. Инициативной силой, по убеждению большинства, должна была стать их партия, которая своим выступлением против самодержавия, политическим переворотом, захватом власти открыла бы дорогу и народному движению» [42, с. 82]. В.А. Твардовской удалось наиболее полно отразить всю схему предполагаемых действий народовольцев, причины, подтолкнувшие революционеров к этому варианту действий, и дать ему оценку. Другие исследователи, в частности В.А. Малинин, указывали на те же причины, приведшие народовольцев к идее захвата власти «с помощью конспирации, организации нелегальной партии, заговора и террора, проводя в то же время подготовительную работу в массах» [28, с. 316].

Практически все исследовали, занимавшиеся идеологией и практикой «Народной воли», отмечали наличие в ней нескольких составляющих (заговорщическая, анархическая, террористическая, политическая), каждая из которых сопрягалась с социалистической ориентированностью. Ни одна из перечисленных тенденций не была представлена в чистом виде. П.С. Ткаченко полагал, что «часть “политиков” только терпела терроризм, в действительности же стремилась к государственному перевороту путем заговора» [52, с. 266]. Один из авторитетнейших исследователей этого периода М.Г. Седов полагал, что народовольцам удалось создать «своеобразный сплав» [38, с.11]. С.С. Волк, основательно разбиравшийся в этой проблеме, пришел к выводу, что состоялся идейный компромисс, поскольку терроризм и заговор понимались народовольцами достаточно широко. К идее заговора движение было не одномоментным, поначалу лишь Фроленко и Желябов ориентировались на эту установку [9, с. 401, 463].

Одной из центральных проблем при выработке программных положений Исполнительного комитета было определение соотношения заговора и народной инициативы. Ведущие теоретики заговорщической методы Тихомиров и Ошанина настаивали на том, что захватившие власть путем заговора революционеры должны разработать и ввести в действие конституцию и лишь после этого передать власть народу. После событий 1 марта 1881 г. и последовавших репрессий против «Народной воли» влияние Тихомирова и Ошаниной усилилось, поскольку сторонники иных идеологических установок оказались, по мнению С.С. Волка, выключенными из процесса [9, с. 401, 463, 402, 405].

В.А. Твардовская видит картину более широко, считая, что еще на Липецком съезде «Земли и воли» «большинство участников съезда при обсуждении целей и перспектив политической борьбы склонялось к заговору, поддерживаемому народным восстанием, с последующим установлением народовластия» [43, с. 72]. Сторонников террористической борьбы и чистых заговорщиков, полагает

исследовательница, объединяло то, что все они мыслили революцию сначала в форме заговора и последующего захвата власти [43, с. 72]; «овладение государственной властью в понимании народовольцев – главное, решающее условие социальной революции» [45, с. 120, 160]. Значение народного выступления в поддержку заговорщиков уже не было решающим обстоятельством: «идея народного восстания, обозначившаяся в ее программе периода наивысшего развития революционного кризиса (конец 1880–1881 гг.), сосуществовала с идеей заговора, занимая подчиненное положение» [Там же, с. 229]. Думается, Твардовской удалось найти верное определение идеологической комбинации народовольцев к финальному периоду их деятельности. Подобная комбинация подводит к мысли о том, что народовольцы постепенно разочаровывались в революционном и созидательном потенциале народных масс, хотя народная инициатива после успешной революции отрицалась далеко не всегда.

М.Г. Седов полагал, что «партия собиралась после переворота однозначно передать власть народу» [38, с. 188], что означало с ее стороны признание потенциала для созидательной деятельности. Базируется мнение М.Г. Седова только на подходах Желябова: «Предстоящая борьба рисовалась Желябову в виде “насильственного переворота путем заговора”, для чего нужна “организация революционных сил в самом широком смысле”... Желябов, как и бланкисты, думал, что конспиративная революционная организация может захватить власть путем заговора. Захватить власть менее сложно, чем использовать ее. Вот отсюда-то и начинается отличие Желябова-бланкиста от Желябова-народовольца» [38, с. 161–162]. Замечание о желябовском пункте об «организации революционных сил в самом широком смысле» оставляет возможность говорить о желательном привлечении народных масс к революционному процессу, что не исключало бланкистской направленности мыслей Желябова. И в этой связи представляется необходимым изучение воздействия программы Ткачева на «Народную волю». Мнения были достаточно противоречивыми. Многолетний исследователь русского радикализма М.Г. Седов заключал: «При сопоставлении программ “Народной воли” и “Набата” становится совершенно очевидным, что они далеко не тождественны, но в то же время их объединяет идея политической борьбы, хотя ее понимание у них различно. Ткачев сводит политическую борьбу только к заговору, к прямому захвату власти социалистической организацией; народовольцы смотрели на дело шире, не исключая возможности и желательности конституционного образа правления, когда социалистическая партия станет оппозицией» [38, с. 110–111]. М.Д. Карпачев высказывал мнение, которое разделяли не только некоторые отечественные исследователи, но и некоторые западные. Он писал, что наблюдалось «вполне лояльное отношение еще землевольцев к идеям Ткачева» [17, с. 75; 10, с. 111; 57, р. 415]. Этот нюанс – отношение к сюжету землевольцев – чрезвычайно важен, поскольку указывает, по мнению автора, на очевидную тенденцию – усиление тяготения к политической борьбе. В.Ф. Антонов, касаясь темы идеологического влияния Ткачева, отметил, что народовольцы были преемниками его подходов, «если иметь в виду отношение к правительству как главному врагу и заговор как основное средство борьбы с правительством» [1, с. 235]. С.С. Волк видел воздействие Ткачева в выработке позитивного восприятия переворота, отмечая при этом, что «проследить влияние идей Ткачева на народовольцев не просто» [9, с. 414–416].

Исследователи, не утверждая о прямом воздействии ткачевизма на народовольчество, пытались наиболее точно передать связь двух явлений, которую практически никто не отрицал. В.А. Твардовская указывала на Ткачева как на «непосредственного идейного предшественника народовольцев» [42, с. 83; 43, с. 60]. По мнению В.А. Малинина, именно «качество практичности» [28, с. 321–322] привлекало революционеров в построениях Ткачева. Наиболее полно и системно эту

проблему изложил М.Д. Карпачев: «Логика самого движения, опыт борьбы в конце концов привели революционеров к принятию многих принципиальных положений Ткачева: о жизненной важности сплоченной организации, о необходимости ведения политической борьбы, о создании революционного государства» [17, с. 113].

Еще одной сложной проблемой для исследователей было восприятие идеи террористической борьбы в контексте возможного влияния Ткачева на народовольцев и последующей трактовки этого вида борьбы самими народовольцами. А.А. Галактионов и П.Ф. Никандров полагали, что фактом было влияние Ткачева, но что касается идеи террора, то это была «логики борьбы» «уже независимо от Ткачева» [10, с. 111]. Объяснение того обстоятельства, что терроризм прижился в народовольческой среде, исследователи видели или в жажде мести, или в неизбежном следствии идейных поисков [42, с. 86; 32, с. 254], или в качестве способа защиты от репрессивной политики царизма [39, с. 48; 38, с. 281]. К этой проблеме обращались и зарубежные исследователи. В частности, бельгийские исследователи полагают, что Желябов хотел ускорить террором историю, движение которой казалось ему слишком медленным [56, р. 36], а это сближало Желябова с бланкизмом.

Можно с уверенностью констатировать, что исследовательский период с середины 1950-х гг. до второй половины 1980-х гг. был достаточно продуктивным. Марксистская методология неизбежно и императивно присутствовала, но были налицо разнообразные трактовки народовольчества, нюансов его идеологии и осмысления проблемы заговорщичества. Некоторые запретные темы, как, например, генетическая связь заговорщичества с ленинизмом, не разрабатывались.

С рубежа 1980–1990-х гг. явственно обозначился новый период. Стали возможны взгляды и выводы, идущие вразрез с марксистскими и ленинскими оценками народничества в целом и народовольчества в частности. Широкой аудитории стали доступны работы западных исследователей. Были введены в оборот новые источники. Переосмысливались подходы дореволюционной историографии.

Одним из основных характерных показателей нового периода стали работы, посвященные Льву Тихомирову. Учитывалась вся совокупность обстоятельств его непростой биографии, включая ренегатство. О.А. Милевский обратил внимание на то, что Тихомиров постоянно обращался к характеристикам российской государственности. Он видел в ней огромный потенциал для созидания. Это была, по его мнению, «отвлеченная самодовлеющая сила». Именно относительная независимость государственной структуры привлекала Тихомирова, и он полагал, что необходимо ею овладеть. А к народным массам, их созидательным потенциям у него было отношение «достаточно скептическое» [30, с. 46–47, 52]. Такие выводы представляются убедительными, и у них имеется немало сторонников. О.В. Будницкий фактически стоит на такой же позиции: «Наиболее последовательно заговорщическую тактику отстаивал Лев Тихомиров», который, «заверяя читателей в приверженности партии интересам народа, в то же время отказывал (и вполне справедливо) народным массам в политической сознательности. Тихомиров писал, что настроение народных масс в “инсуреции” относится к числу неизвестных величин» [6, с. 388–389], а апелляция народовольцев к народному потенциалу не более чем «ритуальные заклинания, дань народнической традиции» [Там же]. Но есть и противоположные подходы. Так, Г.С. Кан считает «абсурдной саму мысль об идейной близости Л.А. Тихомирова с бланкистскими теоретиками», поскольку у него заметна «очень сильная вера в революционную инициативу народа, вообще в народ как источник блага и необходимую основу власти» [16, с. 111]. Автор отвергает бланкистскую принадлежность не только Тихомирова, но и М.Н. Ошаниной, сторонницы введения «декретами основы нового строя» [16, с. 127–129]. Но известно, что убежденной

сторонницей бланкистских методов Ошанина была с момента участия в кружке П.Г. Заичневского.

Что же касается одной из непростых тем – места террора, то и Г.С. Кан, и О.А. Милевский отметили «прохладное отношение к террору», Тихомиров скорее «терпел» террор [39, с. 47]. Тот перечень базовых характеристик Тихомирова как идеолога, который приводит Г.С. Кан, все же дает основание считать его построения близкими бланкизму. А это отразилось и на всей организации. Не очень убедительны аргументы Г.С. Кана в соавторстве с Р.А. Городницким, полагающих, что «несмотря на применяемый этой организацией террор и принятие идеи заговора и государственного переворота, народовольцы, за редким исключением, были сторонниками демократии, гражданских свобод и совсем не мечтали о тоталитарной диктаторской власти революционного меньшинства» [13, с. 186]. У других представителей бланкистской методы в конце концов также предполагается демократия после периода революционной диктатуры. Вопрос был в том, сразу ли после переворота власть будет передана народу или много позже, когда революционеры осуществят декретами базовые преобразования и сознание народных масс разовьется до должного уровня.

О.А. Милевский, подробно проанализировавший идеи Тихомирова в народовольческий период его жизни, обращает внимание на передовицу № 8–9 «Народной воли», вышедшую после убийства царя, и делает вывод, что в ней «наиболее акцентированно звучала идея революционного переворота и заговора, сторонником которой являлся Л. Тихомиров». Особенность ситуации была в том, что это «написал В. Лебедев, креатура М. Оловенниковой» [30, с. 66]. А она, как известно, была единомышленником Тихомирова и ученицей Заичневского.

В постсоветский период суммарно были изложены позиции, составившие заговорщическую тенденцию в российском революционном движении. Она шла от Спешнева к Заичневскому, каракозовцам, Ткачеву и «Набату». Завершалась эта линия «Народной волей» [25, с. 83; 34, с. 318; 31, с. 97; 5, с. 45]. Новое заключалось в том, что в эту генетическую линию был добавлен Лавров, критически относившийся к заговорщичеству. По мнению Е.Л. Рудницкой, «симптоматично, что в конечном счете в момент пика “Народной воли” с ней солидаризируется при всех оговорках и Лавров» [35, с. 20]. Эта идея получила развитие. Близость базовых положений Ткачева к выводам Лаврова о «невозможности осмысленного народного выступления» и допустимости заговора дает на это основания [15, с. 238]. В итоге Е.Л. Рудницкая приходит к выводу об «объективном процессе, который на протяжении десятилетий подспудно проходил в революционном движении. Более того, печать бланкизма легла на всю последующую историю русской революции» [34, с. 315]. Этот вывод представляется убедительным и подтверждается другими серьезными авторами. Так, В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг, глубокие исследователи революционного народничества, уже в новую историографическую эпоху обратили внимание на деятельность и взгляды Н. Русанова и возможность его близости к бланкистским установкам. Они писали: «Ставка народовольцев на захват власти, которая в руках революционеров стала бы рычагом для перестройки социально-экономических отношений, была близка и понятна Русанову, воспитанному на якобинских идеях Заичневского. В народовольчестве он узрел самое действенное и целесообразное направление борьбы с существующим строем». И оценивая подходы уже зрелого Русанова, исследователи заметили, что он «верно отметил, что любое революционное движение имеет привкус якобинства. Ведь во всякой революции, по его словам, сознательное участие принимает лишь активное, инициативное меньшинство, большинство же оказывается втянуто в революционную стихию бессознательно,

помимо воли. И он был прав, доказывая, что ни Михайловскому, ни Лаврову полностью отмежеваться от бланкизма так и не удалось. Их понимание роли критически мыслящих личностей логически подводило к признанию особой роли и особых возможностей революционного меньшинства. Это, разумеется, мысли зрелого Русанова» [46, с. 68].

Историография народовольческого варианта концепции заговора зародилась на рубеже XIX–XX вв. Процесс изучения можно разбить на три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский. Внутреннее наполнение каждого было неоднородным по идеологическим параметрам и по исследовательской методологии вплоть до воздействия на нее официальной власти, как это было с тезисами ЦК ВКП(б) по случаю 50-летия «Народной воли».

Большинством исследователей признавалось, что в результате интенсивного идейного поиска и под воздействием реалий российской действительности ведущие идеологи народовольчества, и прежде всего Л. Тихомиров и М. Ошанина, разработали программу действий, которая основными характеристиками совпадала с классическим бланкизмом. Нередко утверждалось, что это было под влиянием Ткачева и его программы.

В ходе изучения авторы подошли к выводу о наличии в российском революционном движении генетической линии заговорщичества, в которой народовольческий вариант был сопряжен и с практической деятельностью.

Представляется необходимым осуществить комплексное системное исследование всех составляющих деятельности «Народной воли», включая идеологию и место в ней заговорщичества.

Библиографический список

1. Антонов, В. Ф. Революционное народничество / В. Ф. Антонов. – Москва, 1965. – 266 с.
2. Барриве, Л. Общественное движение в царствование Александра Второго: исторические очерки / Л. Барриве. – Москва, 1911. – 154 с.
3. Богучарский, В. Я. Активное народничество 70-х годов / В. Я. Богучарский. – Москва, 1912. – 383 с.
4. Богучарский, В. Я. Из истории политической борьбы 70-х и 80-х гг. XIX века / В. Я. Богучарский. – Москва, 1912. – 483 с.
5. Будницкий, О. В. История изучения «Народной воли» в конце XIX – начале XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / О. В. Будницкий. – Москва, 1988. – 276 с.
6. Будницкий, О. В. Эпоха «Земли и воли» и «Народной воли» / О. В. Будницкий // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. – Москва, 1997. – С. 385–395.
7. Валк, С. Г. Г. Романенко (Из истории «Народной воли») / С. Валк // Каторга и ссылка. – 1928. – №11 (48). – С. 36–59.
8. Виленский-Сибиряков, Вл. Народовольцы / Вл. Виленский-Сибиряков // Каторга и ссылка. – 1926. – №3 (24). – С. 9–13.
9. Волк, С. С. Программные документы «Народной воли» (1879–1882) / С. С. Волк // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. – Москва–Ленинград, 1963. – С. 375–473.
10. Галактионов, А. А. Идеологи русского народничества / А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. – Ленинград, ЛГУ. 1966. – 148 с.

11. Герцен, А. И. Былое и думы. Ч. 5. Глава ХLI // А.И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 10. – Москва, 1956. – С. 151–182.

12. Горев, Б. И. Огюст Бланки, его жизнь, революционная деятельность и роль в истории социализма / Б. И. Горев. – 2-е издание, дополненное. – Москва: Новая Москва, 1923. – 147 с.

13. Городницкий, Р. А. Рецензия на кн.: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация под редакцией Е.Л. Рудницкой. Москва 1997. Археографический центр / Р. А. Городницкий, Г. С. Кан // Отечественная история. – 1998. – №6. – С. 185–189.

14. Григорович, С. Социализм и борьба за политическую свободу / С. Григорович. – Лондон, 1898. – 120 с.

15. Исаков, В. А. Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции. Вторая половина 1840-х – первая половина 1880-х годов: диссертация ... доктора исторических наук / В. А. Исаков. – Москва, 2004. – 238 с.

16. Кан, Г. С. «Народная воля». Идеологи и лидеры / Г. С. Кан. – Москва, 1997. 194 с.

17. Карпачев, М. Д. Очерки истории революционно-демократического движения в России / М. Д. Карпачев. – Воронеж, 1985. – 248 с.

18. Корнилов, А. А. Общественное движение при Александре II. 1855–1881 / А. А. Корнилов. – Москва, 1909. – 263 с.

19. Куклин, Г. А. Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862–1902) : сборник программных статей русских революционных партий и кратких очерков по истории русского революционного движения. – Женева. 1903. – 685 с.

20. Левицкий, В. Партия «Народная воля»: Возникновение : Борьба : Гибель / В. Левицкий (В. Цедербаум) ; предисловие П. Лепешинского. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1928. – 211 с.

21. Ленин, В. И. Задачи русских социал-демократов // В.И. Ленин. – ПСС. – Том 2. – С. 435–469.

22. Ленин, В. И. Попятное направление в русской социал-демократии // В.И. Ленин. – ПСС. – Том 4. – С. 241–300.

23. Ленин, В. И. Рабочая и буржуазная демократия // В.И. Ленин. – ПСС. – Том 9. – С. 179–189.

24. Ленин, В. И. Что делать// В.И. Ленин. – ПСС. – Том 6. – С. 1–200.

25. Лурье, Ф. М. Созидатель разрушения / Ф. М. Лурье. – Санкт-Петербург, 1994. – 414 с.

26. Любатович, О. С. Далекое и недавнее. Воспоминания из жизни революционеров 1878-1881гг. / О. С. Любатович // Былое. – 1906. – № 6. – С. 143–145.

27. Малаховский, Вл. Правда ли, что народовольчество предвосхитило ленинизм? / Вл. Малаховский // Каторга и ссылка. – 1930. – № 3. – С. 45–62.

28. Малинин, В. А. Философия революционного народничества / В. А. Малинин. – Москва, 1972. – 340 с.

29. Материалы к биографии П.Н. Ткачева // Былое. – 1907. – № 9. – С. 156–172.

30. Милевский О.А. Л.А. Тихомиров: от революционности к монархизму. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск. 1996. 244с.

31. Минаков, А. Ю. История общества “Народная расправа”: диссертация ... кандидата исторических наук / А. Ю. Минаков. – Воронеж, 1993. – 260 с.

32. Пантин, И. К. Революционная традиция в России / И. К. Пантин, Е. Г. Плимак, В. Г. Хорос. – Москва, 1986. – 341 с.

33. Плеханов, Г. В. Наши разногласия // Плеханов Г. В. Избранные философские сочинения в пяти томах. – Том 1. – Москва, 1956. – С. 115–370.
34. Рудницкая, Е. Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев / Е. Л. Рудницкая // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под редакцией Е. Л. Рудницкой; Археографический центр. – Москва, 1997. – С. 315–319.
35. Рудницкая, Е. Л. Русский радикализм / Е. Л. Рудницкая // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под редакцией Е. Л. Рудницкой; Археографический центр. – Москва, 1997. – С. 7–22.
36. Русанов, Н. Идейные основы «Народной воли» / Н. Русанов // Былое. – 1907. – №9. – С. 37–76.
37. Русанов, Н. С. На Родине / Н. С. Русанов. – Москва, 1931. – 351 с.
38. Седов, М. Г. Героический период революционного народничества (из истории политической борьбы) / М. Г. Седов. – Москва, 1966. – 366 с.
39. Седов, М. Г. «Народная воля» перед судом истории / М. Г. Седов // Вопросы истории. – 1965. – № 12. – С. 45–62.
40. Спиридович, А. И. Революционное движение в России. Выпуск 2. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники / А. И. Спиридович. – Петроград, 1916. – 579 с.
41. Стеклов, Ю. М. Борцы за социализм. Очерки из истории общественных и революционных движений в России / Ю. М. Стеклов. – Москва, 1918. – 379 с.
42. Твардовская В. А. Вторая революционная ситуация в России и борьба «Народной Воли» / В. А. Твардовская // Общественное движение в пореформенной России: сборник статей к 80-летию Б. П. Козьмина. – Москва, 1965. – С. 61–93.
43. Твардовская, В. А. Кризис «Земли и воли» в конце 70-х годов / В. А. Твардовская // История СССР. – 1959. – № 4. – С. 60–74.
44. Твардовская, В. А. Проблема государства в идеологии народничества / В. А. Твардовская // Исторические записки. – Москва, 1963. – Том 74. – С. 148–186.
45. Твардовская, В. А. Социалистическая мысль в России на рубеже 1870–1880 годов / В. А. Твардовская. – Москва, 1969. – 239 с.
46. Твардовская, В. А. Н. С. Русанов – искатель истины в социализме / В. А. Твардовская, Б. С. Итенберг // Отечественная история. – 1995. – №6. – С. 59–92.
47. Тезисы ЦК ВКП (б) к 50-летию Народной воли // И. А. Теодорович. Историческое значение партии «Народной воли». – Москва, 1930. – С. 239–280.
48. Теодорович, И. А. Историческое значение партии «Народной воли» / И. А. Теодорович. – Москва, 1930. – 280 с.
49. Теодорович, И. А. Роль Н.А. Морозова в революционном прошлом / И. А. Теодорович // Каторга и ссылка. – 1932. – № 7. – С. 7–60.
50. Тихомиров, Л. Воспоминания / Л. Тихомиров. – Москва–Ленинград, 1927. – 515 с.
51. Тихомиров, Л. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений / Л. Тихомиров // Каторга и ссылка. – 1924. – № 3. – С. 113–122.
52. Ткаченко, П. С. Революционная народническая организация «Земля и Воля» (1876–1879) / П. С. Ткаченко. – Москва, 1961. – 298 с.
53. Тун, А. История революционного движения в России / А. Тун. – Женева, 1903. – 348 с.
54. Хроника социалистического движения в России. 1878–1887 гг. Официальный отчет. – Москва, 1907. – 364 с.

55. *Чешихин-Ветринский, В. Е.* Общественное движение в царствование Александра II / В. Е. Чешихин-Ветринский // Три века. Россия от Смуты до нашего времени: исторический сборник под редакцией В. В. Каллаша. – Том 6. – Москва, 1911.

56. *Le dossier russe. T. 1. De l'empire des tsars a l'URSS / Marabout Université. – V é r n i e r. Belgique, 1966. – 286 p.*

57. *Histoire générale du socialisme. T. 3. Du 1875 à 1918. – Paris, 1974. – 732 p.*